

Джу В моей голове

Глава 1

Запах хрустящего печенья из духовки и радостный лепет Майкла доносились словно откуда-то издалека, дополняя картинку старого черно-белого фильма. Вот он осторожно берет первый квадратик, рассыпая крошки по полу, и с непривычным для 5-летнего ребенка вниманием съедает все без остатка. Наблюдая за тем, с каким аппетитом он уплетает сладкое тесто, живот Люси забурчал, предвкушая будущее удовольствие.

Мозг, сконцентрировавший свое внимание на Майкле, не успел послать сигнал об опасности. Впервые система, выработанная еще древними предками, дала сбой, и горячий противень оставил след на ее ладони. Красное пятно охватывало новые участки кожи, оставляя болезненный зуд и белые волдыри. Но пугала не боль, а пузырьки. Они расползались не только по ее телу, но и переметнулись на стены и предметы. Кухня пошатнулась и Люси замерла. Майкл не плакал. Он будто не замечал нависшей над его миром угрозы, продолжая проглатывать раскаленные кусочки, даже не жуя.

Пространство расширилось и сужалось вместе с ее дыханием. Словно мыльный пузырь, оно готовилось лопнуть при первой же опасности. Люси протянула обожженную руку к сыну, чтобы обнять и защитить, но ее хрупкая реальность с громким звоном треснула и рассыпалась на крошечные осколки. Кухня исчезла, погребая сладкие запахи и улыбку Майкла.

* * *

Люси проснулась. Яркий свет освещал комнату, демонстрируя мягкие изгибы. Тело напряглось в попытке задействовать все органы чувств. Мозг требовал собрать информацию об обстановке. Но по какой-то странной причине от сотрудничества не отказались только глаза. Она принялась, но ничего не почувствовала. То же самое произошло и со слухом. Неведомое вещество будто высосало из комнаты все ароматы и звуки.

«Не может быть так, чтобы совсем ничего».

И вот она — подсказка. Боль! Резкая боль пробила виски так, будто с двух сторон одновременно ударили молотком. Правая рука инстинктивно потянулась к месту ушиба, но операция провалилась. Люси повернула голову — запястье приковали потертым ремешком. Она

проверила остальные части тела, но бесполезно. Ее привязали к кровати.

*«Мягкие стены, привязана, яркий свет...
Господи, это что, розыгрыш?»*

Последним ключом к разгадке оставалась дверь. Люси заметила ее, как только удалось чуть-чуть приподнять голову. Каждое движение давалось с трудом и вызывало невыносимое покалывание. Она старалась экономить силы.

Впереди мелькнуло лицо. Люси снова приподнялась, чтобы удостовериться, что это не галлюцинация. Маленькая прорезь, расположенная в двери, приоткрылась шире и появившиеся глаза с любопытством уставились на кровать.

— Эй... — голос оборвался. Резким кашлем она прочистила горло и повторила. — Эй! Простите, вы не могли бы...

Но щелка исчезла, оставив после себя гладкую белую поверхность.

— Что за черт? — Люси с силой дернула руками и пожалела. Волна боли пронеслась по всему телу, плавно заполняя каждую клеточку.

Люси расслабилась и откинула голову на холодную подушку. В этом герметичном помещении существовали только холод и ее боль. Ни запаха, ни звука, ничего.

«Сколько уйдет времени, прежде чем я сойду с ума в этой коробке? Прежде, чем я перестану

слышать вообще? А что, если я уже оглохла? Не дури, ты ведь слышала свой голос. Да, но как понять, что я его реально слышала и он не в моей голове?»

— Что происходит? Люди! Меня вообще кто-нибудь слышит?!

В-ж-ж-ж-ж...

Она подняла голову, улавливая новый звук. «*Оно неживое* ». Ей пришлось хорошенько выгнуться и вытянуть шею, чтобы сверху в правом углу заметить маленький механизм — черную камеру. В этой комнате кроме Люси только этот предмет продолжал имитировать жизнь.

— Там кто-нибудь есть?

«*Пила*», «*Обитель проклятых*», «*Ходячие мертвецы*», «*Война миров*»... Киноиндустрия 21-го века предлагала богатое разнообразие сценариев. Люси оставалось только прокручивать знакомые сцены и выбирать, в какой она хотела бы оказаться меньше всего.

Камера снова повторила свое «в-ж-ж-ж» и повернула чуть левее. Белая поверхность треснула и на месте шрамообразной дверной щелки показалась новая пара глаз. Они вопросительно окинули взглядом помещение и снова исчезли. Замок пришел в движение. Видимо детали не успели отметить юбилей, так как механизм не издавал противных хрипящих звуков. Люси

подобрала остатки мужества, чтобы встретить неизвестность при полном параде. Головная боль все еще мешала полноценно мыслить, но теперь она радовалась уже тому, что в эту вакуумную ловушку ворвались звуки.

Пришельцем, зомби и маньяком оказался невысокий мужчина лет 40. Синяя форма выглядела новой, но по бокам была забрызгана чем-то желто-коричневым. Его короткие черные волосы жирно поблескивали под светом люминесцентной лампы. Местами были заметные большие хлопья перхоти, готовые осыпаться собеседника с головы до ног. Густые брови сошлись на переносице и очевидно были на грани долгожданного воссоединения. Нижняя бледная губа плотно прилегала к верхней. Сжатая челюсть напоминала заклинивший ржавый механизм. Создавалось впечатление, что ослабь он усилие и все его лицо, вместе с черными глазами и толстым приплюснутым носом, сползет на пол.

Мужчина сразу закрыл за собою дверь. Он не улыбался и вообще не проявлял никаких признаков, по которым можно было идентифицировать его как человеческое существо. Люси прислушалась к движениям, ожидая уловить скрип шестеренок, которыми, возможно, было наполнено приближающееся нечто.

— Здарова, — бросил он, почесывая толстым

пальцем бок. — Готовы потолковать?

— Конечно. Я бы с радостью...

— Не-не. Это не ко мне. Я санитар.

— Но...

— Все вопросы к доктору. Обещаете быть паинькой?

Она посмотрела на него с непониманием. Упоминание о докторе убирало худшие подозрения вроде похищения и давало намек на больницу. Но, что значит «паинька»?

— О чем вы? — она попыталась улыбнуться. — Бойтесь, что наброшусь?

— Всякое бывает, — он проигнорировал ее веселый тон. — Ну?

— Проблем не будет, — сухо ответила Люси. Шутки не долетали до этого человека. Они натыкались на какую-то преграду и рассыпались возле его грязной обуви.

Он оценивающе осмотрел ее, прикидывая, какой урон этот представитель человеческого рода способен нанести. Потом осторожно обошел и принялся отвязывать ноги. Холодные пальцы то и дело касались ее кожи, вызывая непроизвольные волны дрожи. В такие моменты она замечала намек на хищный оскал в сосредоточенном лице санитара.

Его руки проделывали всю процедуру с узлами на автомате, а вот глаза постоянно бегали по всему ее телу. Он словно ожидал удара и был готов

встретить его в любую секунду. Люси решила не рисковать и постаралась даже дышать как можно меньше, чтобы лишнее движение не сорвало чеку с нервов этого человека.

Эта предосторожность давалась ей с трудом. Когда мясистые руки перешли к ее запястьям, стало трудно сдерживаться от едкого запаха. Теперь Люси пожалела, что в ее коробку проникли ароматы. Кислое дыхание заползло ей в легкие, наполняя кровь и отравляя внутренние органы. Чтобы не потерять самообладание, она сконцентрировалась только на бейджике с именем — Боб. Просто Боб.

Отстегнув последний ремешок, он чуть ли не прыжком отскочил назад к двери и встал в стойку.

— Спасибо, Боб, — она поднялась и провела пальцами по натертым запястьям.

Услышав ее благодарность, он еще больше напрягся. Словно «спасибо» здесь звучало неуместно. Но Люси решила, что в любом месте она постарается не терять своих принципов, куда была запрограммирована и вежливость.

Он вышел из комнаты и ждал ее снаружи. Когда Люси вырвалась из белоснежной комнаты, то впервые заметила, что одета в серую форму, представляющую собою хлопчатобумажные штаны и рубашку. Ей стало холодно. Но Бобу было не до этого. Он закрывал дверь на засов.

Люси встретили зеленые стены длинного коридора. Правда, «зеленый» — это громко сказано. Скорее бледный, болотный, выцветший. Странно, но сейчас ей все представлялось именно в выцветшем фильтре. Будто каждая поверхность прошла тщательную обработку, а всю яркость высосали. Она дотронулась пальцами до стены, ожидая, что рука пройдет сквозь цемент и увязнет в жидкости.

— Прямо! — скомандовал Боб и Люси передернулась от неожиданности. Она уже и забыла, что рядом с ней шагает этот нелепый механизм.

Она шла впереди, а он сверлил взглядом ее спину. Резиновые подошвы его кроссовок издавали легкое поскрипывание, какое бывает при игре в баскетбол в спортзале. И чем дальше они шли, тем громче оно становилось. Люси прикоснулась к своим вискам. Боль не унималась.

Ее белая обувь, напоминающая кеды без шнурков, вообще не издавала звуков, как будто она не шла, а парила в воздухе. К концу пути каждый его скрип наносил воображаемые порезы по ее мозгу. Скрип — удар розги. Скрип — еще один удар. Она терпеливо слушала и выполняла его отрывистые указания: «Налево!», «Стой!», «Вперед», «Направо», «Быстрее». Но коридор не собирался так быстро заканчиваться. За новым

поворотом возникал еще один. Прежде чем дойти до лестницы, Люси начала подозревать, что Боб ради смеха просто водит ее по кругу. Изматывает, играет на нервах и ждет, когда она выйдет из себя.

Ее мучения закончились, когда они вышли к лестнице, окрашенной все в тот же бледно-зеленый. Она схватилась за поручни и поднялась. С каждой ступенькой добавлялись новые звуки. Она уже различала чей-то голос, смех и шаги. Все это помогало заглушить скрипы Боба.

— Направо! — он открыл сетчатую дверь, запертую ранее на массивный замок.

Она выдержала зеленое испытание. Герметичность и холод остались позади. Новый коридор был белым и, о Господи! наполнен живыми пациентами. Они бродили по своим делам в такой же одежде, как и она. Боб взял Люси под руку, и шел рядом, будто кавалер, ведущий даму. Но в его поддержке не было и намека на вежливость. Люси прекрасно понимала, что достаточно одного резкого движения, и он без колебаний сломает ей руку.

Конечным пунктом оказалась большая дверь кабинета. Боб постучался два раза и, услышав бодрое «Да-да!», бесцеремонно втолкнул Люси. Она обернулась к нему, но сопровождающий уже закрыл за собою дверь, оставив ее в новом помещении с незнакомым мужчиной.

Глава 2

— Надеюсь, Боб не грубил? — спросил он.

Люси не спешила с ответом. Глаза привыкали к новым предметам и краскам. На языке вертелось лишь слово: «Типично». Это типичный кабинет врача, с типичным столом и бумагами, типичными стенами, на которых красовались какие-то дипломы, и типичным шкафом, наполненным книгами. Люси подошла к полкам. Фрейд, Юнг, Марк Аврелий, и остальные мозгляки, чьи имена не вызывали в ее памяти отклика. Но вот названия, где чуть ли не в каждой книге мелькала частичка «психо», ясно давали понять, что дела ее не такие уж и радужные.

— Он был сама любезность, — наконец ответила Люси и повернулась к нему.

— Присаживайтесь, — улыбнулся он. — Я доктор Эдвард Малой.

Мягкое кресло стало прекрасной альтернативой холодной жесткой постели, к которой она была привязана десять минут назад. В его кабинете пахло.... Люси не могла определить точно, но лучше всего подходило слово «правильно». Эта комната была не просто отдельным помещением, она служила

продолжением самой сущности врача. Каждая вещичка, каждая мелочь и даже частицы пыли занимали свое неизменное место. Люси будто знала, что этот цветок в горшке должен стоять именно в этом квадратике на подоконнике, а эта царापина должна быть именно здесь и в точности такой длины. Все в помещении подчинялось воле врача.

Эдварду было чуть больше 40 лет. Люси пожалела, что, открыв глаза, увидела именно Боба, а не этого симпатичного человека. Его аккуратно уложенные черные волосы были чистыми, как и его белый халат. На лице продолжала сиять доброжелательная улыбка. Но больше всего ей понравилась борода. Она долго просила Чака отрастить такую бороду. *«Он ведь мог хотя бы попробовать?»*. Но тот упрямо отказывался и будто бы назло каждый день брился начисто. Но здесь... Красивые ухоженные линии начинались от усов, обрамляли губы с двух сторон и соединялись на линии подбородка. Этот шестиугольник дополняли две линии, идущие по обеим сторонам скул.

Сидящий перед ней мужчина казалось вышел из другого времени. Примерь он цилиндр и смокинг и сядь в карету, вряд ли кто-нибудь удивился. Ему подходил этот дух прошлого. Доктор Малой продолжал смотреть на нее, перебирая тонкими

белыми пальцами документы.

— Как себя чувствуете? — спросил он, подтягивая ближе красную папку.

— Уставшей, растерянной и... Это нормально, что так сильно жжет у висков? Голова раскалывается.

— Давно жжет?

— Как проснулась.

— Не переживайте, — он сделал пометку в блокноте. — Я назначу таблетки, и уже сегодня обо всем забудете. Медсестра проводит вас в палату.

— В палату? — она пододвинулась чуть ближе. — Доктор, скажите я что... я здесь надолго?

— Это зависит только от вас.

— Поправьте, если ошибаюсь, но... Мы в психушке?

— Вы не помните, как вас доставили сюда? — он оторвался от документов.

— Нет. Помню, как стояла на кухне, пекла печенье... Потом я здесь.

— Ну, стресс и припадок могут спровоцировать кратковременную потерю памяти. Скоро пройдет, — он снова сосредоточился на бумагах. — Значит так... Вас привезли позавчера из психиатрической клиники Святого Себастьяна.

— Из клиники? Стойте, я что-то не пойму...

— Вы не помните предыдущее место?

— Говорю же, я помню только свою кухню!

— Хорошо. Главное, не волнуйтесь, — он сложил свои тонкие пальцы в замок, что вызвало у Люси непроизвольное сжатие челюсти. — Теперь вы наш пациент и мы позаботимся о вашем здоровье.

— Господи... — она приложила ладонь ко лбу, пытаясь переварить его тарабарщину. — А что со мной?

— Мелани, вы прибыли к нам с диагнозом...

— Что простите?

— Я говорю, вы прибыли с диагнозом...

— Нет, не это, — она опустила руку и отодвинулась назад. — Как вы меня назвали?

— Эм, — он еще раз всмотрелся в бумаги, — Мелани... Мелани Стар.

— Это ошибка.

— Простите, я не так произнес? Разве ударение не на....

— К черту ударение! Это не мое имя!

— Правда? — казалось, он нисколько не удивился. — Как же вас зовут?

— Люси Боул. Здесь точно какая-то ошибка. Мне нужно... — она тяжело вздохнула, прогоняя барабанную дробь с территории затылка. — Дайте позвонить мужу.

— Мужу?

— То есть бывшему мужу. Развелись 4 года назад.

— Боюсь, что это невозможно.

— Что значит невозможно? Вы понимаете, что он будет беспокоиться? И Майкл! Господи, а кто сейчас с Майклом?

— А это...

— Мой сын. Ему всего 5 лет.

— Послушайте, — он закрыл папку и нащупал кнопку под столом. — Мисс Стар...

— Боул! Почему вы меня так называете? Что за чертовщина у вас творится?!

— В этом и есть ваша проблема. Сейчас лучше отдохнуть, а потом вы обсудите свое положение с...

— Какое еще положение? Я не та, за кого вы меня принимаете? Я Люси! Это все какая-то ошибка! У вас путаница в документах! Мне нужно позвонить Чаку!

— Конечно, конечно. Мы все уладим, только успокойтесь, пожалуйста.

Дверь позади распахнулась и появился все тот же Боб-робот и какой-то худенький высокий парень с бледным лицом. Люси напряглась и еще сильнее вжалась в кресло.

— Мисс... — доктор запнулся и решил не рисковать с поиском имени. — Эти люди проведут вас в палату.

— Мне не нужна ваша чертова палата. Я требую звонок! Вы обязаны дать мне позвонить!

— Сэр, может я... — начал Боб.

— Пойдите, — оборвал его доктор Малой. —

Номер помните?

— Конечно! — крикнула Люси и вырвала трубку из его руки.

Вспотевшие пальцы несколько раз путали цифры, тем более, что боковым зрением она пыталась контролировать своих конвоиров.

— Але, — раздался незнакомый женский голос после двух гудков. — Я вас слушаю.

— Эм... — Люси растерялась. — Простите, вы не могли бы позвать Чака.

— Кого?

— Чака! — выкрикнула она. — Простите, Чака Боул. Скажите, что Люси звонит. Это срочно.

— Ошиблись номером.

— Пойдите... — но на той стороне уже раздавались гудки.

— Убедились? — спросил доктор. — А теперь давайте мы все успокоимся и...

Но Люси не собиралась никого слушать. Она набрала номер еще раз и снова наткнулась на женский голос, который уже с меньшей вежливостью постарался убедить, что в доме нет, не было и скорее всего не будет никакого Чака.

— Как же так? — крикнула Люси, швырнув трубку на стол. — Что за бред? Я этот номер наизусть знаю.

— А теперь, если не возражаете, Боб сопроводит вас в палату. Позже вы узнаете все, что нужно.

— Подавитесь своим «позже»! Мой сын, наверное, сейчас в истерике! А родители? Они знают, что я здесь?

— Родители?

— Ну да, мать и отец!

— Эм... Мисс Стар...

— Боул! Черт бы вас побрал! Люси Боул! Не способны запомнить? Что в конце концов происходит? — она схватила со стола вазу и приготовилась запустить ее в первую подвижную мишень. Но Боб отреагировал быстрее.словно хищная пантера, он метнулся к ней и всадил шприц в ягодицу. Но прежде чем силы покинули тело, Люси все-таки успела обрушить стекло ему на голову.

— Помоги! — крикнул Малой, и бледнолицый парень, вышедший из оцепенения, схватил ее руки.

Люси чувствовала, как неизвестная инородная жидкость наполняет холодом ее внутренности. Кто-то невидимый высасывал из нее силы, оставляя пустоту и мягкость. Нечто пыталось выдернуть из позвоночника стержень, который она растила годами, и превратить ее в безжизненную тряпку.

— Люси... Меня зовут Люси... — повторяла

она, наблюдая как мимо проносятся неизвестные лица, и слыша дикий хохот и тяжелое кислое дыхание Боба.

Глава 3

Чак сделал предложение, когда они сидели в пиццерии. Он не становился на одно колено и не выдавливал из себя несвойственные его характеру речи. В его поступке не было и намека на киношную романтику. Они ели пиццу. Несколько капель кетчупа растеклись по его рубашке, и Люси со смехом вытирала пятна салфетками. Тогда Чак достал из кармана кольцо и надел ей на палец. Люси перестала орудовать салфеткой и посмотрела на руку, а затем на Чака. Они улыбнулись и поцеловались. Вот так и прошло обручение.

Люси никогда не жалела. Она не была девочкой, которая с малых лет планировала свою свадьбу. И если бы Чак проявил хоть каплю сентиментальности, то этот момент не был бы таким особенным. Чак не кривил душой и не притворялся. Он просто взял свое. И тогда она принадлежала ему полностью.

* * *

Люси осмотрелась. После укола ягодица неприятно ныла, но в висках уже не жгло как раньше. Она облегченно вздохнула. Несмотря на скандал в кабинете и запущенную вазу, ее не вернули в коробку. Это была обычная палата. Руки и ноги на этот раз оказались свободными, а в новом мире это было не правом, а наградой, которую нужно заслужить. Твердая кровать сменилась мягкой и теплой постелью, а лампа не резала глаза. И самое главное — сюда проникала жизнь. Снаружи бродили пациенты и персонал, доносились различные запахи.

— Проснись и пой, пассажир! — крикнул чей-то высокий голос.

Дверь с грохотом открылась и внутрь вбежала молоденькая пациентка. Ее выющиеся взлохмаченные рыжие волосы торчали в разные стороны, но ей очень шел этот беспорядок. Люси продолжала лежать и наблюдала как незнакомка («Сколько ей? 23?») вихрем кружится по палате и напевает какую-то песенку собственного сочинения:

*И даже в нашем сумасшедшем мире
Я все равно свой смысл отыщу-у-у-у!!!!*

На последнем слове она поклонилась, будто ожидая аплодисментов и, кажется, услышала их

где-то у себя в голове. Она радостно опустила свое худенькое тело на край ее кровати. Люси внимательно рассматривала ее лицо, с которого не сходила хитрая улыбка. Девочка жонглировала воображаемыми мячами и подпевала себе что-то под нос.

— Постой, — сказала Люси, внимательнее всматриваясь в голубые глаза, — я тебя знаю!

— Конечно, — радостно ответила та, — меня все знают. Я популярная личность в широких кругах.

— Да нет же... Я имею в виду, что видела тебя. Ты была внизу?

— Все были внизу.

— Сегодня! В щелке... Это ведь ты смотрела на меня?

— Запомнила по глазам? — девушка почтительно сняла воображаемую шляпу. — Круто! Только Армагеддону не говори. Пусть это будет нашим маленьким секретом. А то узнает — голова с плеч! — крикнула она, подражая Червонной Королеве.

— О ком ты?

— Ну, Армагеддон! Такой низкий и противный. Он тебя вел.

— Боб?

— Для внешнего мира может быть и Боб, а для нас Армагеддон. Ты уж запомни. Клички не

просто так даются, — она заговорщицки подмигнула. — Я Китти! А ты Люси?

— Откуда знаешь?

— Сложно не запомнить. Тебя как Армагеддон с кабинета тащил, так ты по всему коридору выкрикивала свое имя.

— Ну да... — смутилась Люси, потирая ладонь. — Это моя палата?

— Наша, — улыбнулась девушка, показывая на соседнюю кровать. — Тебе повезло жить с самой нормальной в этом дурдоме. А ты нормальная? Или мне лучше чем-нибудь вооружиться для самозащиты? Где моя шпага?

— Нормальная, — буркнула Люси. — Я здесь по ошибке.

— Правда? Какое совпадение. Я тоже!

— А что с тобой?

— Полностью здорова! Абсолютно нормальная! От головы до кончиков пальцев нет ни одной безумной клетки. Это пьеса, разыгранная для моей защиты.

— От кого?

— От мафии, — она наклонилась ближе и потерла нос ладонью. — Я свидетельница. На суде выступала против одного бандита, который детей наркотиками пичкал. Вот его засудили, а дружков нет. Конечно, старый козел пообещал меня поймать и... Уи-уи-уи-уи! Короче, закопать в землю хочет и

покаялся сверху толстым слоем бетона залить. Изобретательный дядька. Так вот власти решили меня сюда сплавить. На время, конечно. Кто ж в психушке искать будет?

— Ого... И давно ты здесь?

— Три года.

— Что? — глаза Люси округлились. —

Почему так долго?

— Так ведь их тоже найти нужно. Они любят по норам прятаться и солнца боятся.

— Солнца?

— Китти? — в дверях появилась симпатичная женщина.

— Ой, добрый день, д-д-док! — улыбнулась Китти и покраснела. Она быстро слезла с постели и заботливо поправила одеяло. — А я тут вот с новенькой играю.

— Вижу, — ответила незнакомка и подошла ближе. — Вы еще успеете наговориться. А сейчас можно мне отвлечь ее на несколько минут?

— Конечно! Я... У меня как раз д-д-дела есть, — Китти отдала честь и выбежала из палаты.

— Она полностью безобидная девочка, — сказала женщина. — Я доктор Катрин Стенд.

— Люси.

— Рада познакомиться, — Катрин пожала ей руку, словно старой знакомой.

Люси и раньше видела привлекательных

женщин, но эта выделялась на их фоне. Ее стройное тело излучало силу и свет. Поначалу Люси даже показалось, что ее образу просто удачно подыгрывает внешняя обстановка и освещение ламп, но что-то внутри этого человека манило к себе. И казалось, что даже в толпе ее было бы сложно не заметить первой.

— Мне показалось или Китти заикалась?

— С ней такое бывает, — ответила Катрин и поправила заколку на светлых длинных волосах. — Любит баловаться. Как вы?

— Немного лучше. Только вот... — она слегка повернулась на бок. — После укола побаливает.

— Ах да, Боб, — засмеялась Катрин. — Не держите зла. Он работает здесь более 10 лет и сегодня впервые кому-то удалось застать его врасплох. Вынуждена признать вашу силу и меткость. Ваза попала прямо в голову.

— Простите, — смутилась Люси. — Я не хотела... То есть, я разнервничалась. Он сильно пострадал?

— Боб? — искренне удивилась она. — Да это самый крепкий человек, которого я знаю. Небольшой синяк. Даже кожу не порезали.

— Мне жаль. Я перегнула палку...

— Не стоит извиняться. Я вас прекрасно понимаю. Это мне нужно просить прощения.

— Вам?

— Да. Я ваш лечащий врач. И именно моя задача вам все объяснить. Доктор Малой поторопился, и ваша реакция вполне предсказуема. По правде говоря, если бы вы приняли сложившуюся ситуацию спокойно, у меня появился бы повод переживать за ваше состояние.

— Получается, мой срыв — это хорошо?

— В конкретной ситуации — да.

— Так, — Люси пыталась укомплектовать в голове полученную информационную кашу, — а теперь давайте к главному. Что я здесь делаю?

— Конечно, я все объясню. Но сейчас вы наверняка проголодались.

— Немного.

— Столовая внизу.

Она помогла ей подняться. Люси уловила знакомый нежный и сладкий запах духов. В мире, где рождались омерзительные испарения лекарств, блевотины и экскрементов, это был приятный сюрприз. Ягодица продолжала зудеть. Люси мысленно послала в Боба еще одну вазу. Видимо парень все-таки обиделся, раз засадил шприц по самую рукоятку.

Катрин взяла Люси под руку, и они вышли вместе, словно не врач с пациентом, а две подружки, гуляющие по парку. Доктору пришлось подстраиваться по ее медленные и пока

неуверенные шаги, но она делала это с большой охотой и не торопила. Мимо них проносились пациенты, замирая на мгновение, чтобы окинуть взглядом новенькую.

— Мы идем по главному коридору, — сказала Катрин. — Это второй этаж, в котором размещены палаты. Ваша у самого края. На первое время Китти поможет сориентироваться, а там уже быстро запомните.

— Если честно, я не планирую задерживаться надолго.

— Поверьте, я искренне разделяю ваше желание, — улыбнулась она. — В левом крыле — душевые и туалеты. Возле них комнаты санитаров.

— Персонал живет здесь?

— Все, кроме нас с Эдвардом.

— Это ведь психиатрическая лечебница?

— Вроде того. Но не в совсем классической модели. Наш основатель — Монтгомери Малой, отец нового директора, планировал создать больницу, в которой все будет построено по типу семьи. У нас довольно маленькая площадь, но много свободы. Есть часы посещения, можно выходить на улицу, у нас есть своя площадка. Также существует возможность визитов во внешний мир.

— Но здесь бродят психи?

— Точнее люди с... отклонениями от нормы.

Не поймите неправильно. У нас нет так называемых буйных. Мы берем людей с интересными и тяжелыми случаями и стараемся вернуть их в общество. Для этого используем минимум таблеток, максимум общения, ну и остальные методики, о которых вы скоро узнаете. Можно расценивать это здание как огромный и первый в своем роде психиатрический эксперимент.

— Хорошо. А что я здесь делаю?

— К этому мы еще вернемся, — она повернулась. — Эта лестница ведет на третий этаж. Там у нас врачебные кабинеты и две палаты. Ну, на случай, если чье-то состояние ухудшится.

Они спустились на первый этаж. Люси вынуждена была схватиться пальцами за перила, так как от слабости или же от укола ее слегка покачивало как на корабле в шторм.

— Все в порядке? — спросила Катрин, бережно поддерживая ее со стороны.

— Голова кружится.

— Это от усталости, — они вышли в главный холл.

Внизу было намного приятнее, чем на втором этаже. Картинка напоминала обычный дом. В центре стоял телевизор с проигрывателем, стереосистема, полочки с настольными играми и развлечениями. Вокруг размещалось несколько диванчиков и мягких кресел, а также круглые

столы. Несмотря на то, что здесь не было даже намека на наличие острого угла, это место больше напоминало домашнюю обстановку, чем больничное крыло.

— Необычно, — сказала Люси, проведя пальцами по мягкой обивке кресла.

— Согласна. Но мы не эксклюзив. Сейчас очень много заведений переходит на эту методику. Больничная обстановка угнетает. Мы планируем переделать и палаты, создав легкую атмосферу родного дома...

— Но псих остается психом, — перебила Люси. — Запихни его в белую клетку или царские апартаменты. Разве есть разница?

— Относись к человеку как к рабу и вырастишь раба. Говори с ним как со свободным, и он будет чувствовать себя свободным.

— Но его суть все равно не меняется.

— Вы даже представить себе не можете, как сильно внешний мир влияет на ваш внутренний. Но у вас есть шанс проверить все на практике.

— А где белая коробка?

— О какой коробке идет речь?

— Ну, то место с белыми мягкими стенами? Я там проснулась...

— А, — Катрин нахмурила брови и на лбу появилась небольшая морщинка, — теперь поняла. У нас всего две таких комнаты. Обе находятся на

нижнем уровне, где должен быть подвал. Там жутковато, правда?

— Да уж.

— Поверьте, я против подобных методов. И вскоре займусь и этим местом. Но справедливости ради замечу, что сонниками мы практически не пользуемся.

— Сонники?

— Так мы называем те комнаты. Я упоминала, что беспокойных у нас нет. Но... Вас привезли в... мягко говоря, беспокойном состоянии и пришлось принять меры. Иначе вы бы взбудоражили всех постояльцев.

— Не помню, чтобы я... — Люси сжала кулак.

— Это мы тоже обсудим. Хотелось бы вернуться к теме обстановки. Вот, как вы себя чувствуете в игровой?

— Здесь? — она осмотрелась. — Хорошо. Ну, насколько это может быть хорошо в моем положении.

— А в палате?

— Тревожно...

— А внизу?

— Ужасно! — призналась Люси.

— Вот видите. А ведь это целостное здание с одной и той же системой! Отличие лишь в цвете краски и мебели. А какой эффект! И мы не называем пациентов больными.

— А как?

— Просто пациенты или же постояльцы. Правильный подход настраивает на доверительное отношение между жителями и врачами.

— Что ж... В этом есть смысл.

— Отлично. А то мне как врачу положено раз в полчаса выдвигать здравые идеи, чтобы оправдать свою должность, — она улыбнулась и открыла дверь.

Столовая размещалась сразу же после игровой. Небольшое помещение со столами и кухней со стойкой с левой стороны чем-то напоминало школьный кафетерий. Вот только на окнах были еле заметные белые решетки. Но зато окна были!

Круглые столики предназначались для 3–4 человек. Их расставили наподобие маленькой кафешки. Не хватало только милой официантки и меню. Люси вдруг поняла, что теперь круглая форма всегда будет ассоциироваться с чем-то ненормальным. Круглые столы, круглые подносы, мягкие стулья и отсутствие углов.

— Я так понимаю у вас немного пациентов?

— Вместе с вами 11. Мы не гонимся за количеством. Да и персонала у нас, как вы уже заметили, всего несколько человек. Зато есть возможность уделять каждому максимум внимания.

Они подошли к длинной стойке. Люси не

удержалась и потрогала ее руками. Мягкая... «Как стойка может быть мягкой? Это пенопласт?». Катрин передала ей поднос.

— Добрый вечер, Милли, — поздоровалась Стенд.

Из кухни вышла невысокая женщина лет 35. Ее темные волосы спрятались под поварской сеточкой. Она застенчиво улыbnулась и подошла к кастрюлям с едой.

— Милли, это наша новая пациентка...

— Люси, — перебила она ее. Ей не хотелось, чтобы ее снова назвали чужим именем.

Катрин исправлять не стала. Милли молча кивнула и протянула свою руку. Потом они прошлись по стойке. Как бы там ни было, но кормили здесь прекрасно. Укол забрал с собою не только ее силы, но и аппетит. Поэтому она взяла себе ложку пюре с подливкой, горсть салата из свежих овощей, и апельсиновый сок.

— Довольны? — спросила Катрин, когда Милли скрылась на кухне.

— Да, а она...

— Не разговаривает, но прекрасно готовит, — она заправила прядь за ухо. — В коридоре и в холле висит расписание. Там указаны часы общения с врачом, время на приемы пищи, душ и прочая полезная информация. Ознакомьтесь после ужина.

— Но вы так и не объяснили, что я здесь

делаю?

— Завтра обсудим этот вопрос. Придите в себя и освоитесь на новом месте. Если что, обращайтесь сразу ко мне или к доктору Малому. Когда нас нет на месте, можете подойти к любому санитару. Была рада познакомиться. Надеюсь, мы поладим.

— Да... Я тоже.

Катрин помахала какому-то пациенту рукой и легкой походкой покинула столовую. С ее уходом пропало и возникшее у Люси состояние покоя. Разговаривая с Катрин, она словно переносилась в нормальный мир. Будто все это лишь игра, спектакль. Но жующие пациенты, редкие смешки и чья-то непонятная болтовня вернули ее к ужасающему факту — ты в психушке, милочка, и никуда тебе не деться.

Глава 4

По закону Дарвина миром правят сильнейшие. Поэтому каждый здравомыслящий человек, попав в неизвестную обстановку, будь то новая компания или же школьный класс, пытается получить поддержку от того, кто стоит выше всех. Но что здравомыслящему делать в психушке? Инстинкт самосохранения и адаптации вынуждал Люси

медлить, прежде чем принять решение. Одиночка выглядит романтично и загадочно только в фильмах и книгах. В реальной жизни толпа тебя сожрет. *«Но ведь здесь нетипичная публика?»*

Люси осмотрела столики. За каждым сидело по несколько человек, были и пустые. Одна девушка просто разместилась на полу, и никто не обращал на нее внимания. Люси решила, что искать самого сильного в этом месте не имеет смысла, так как найти подход к ненормальному будет сложнее. Поэтому ее тактика состояла в поиске более адекватного человека и свой выбор она остановила на соседке.

Китти внимательно рассматривала свою тарелку. Рядом сидел какой-то мужчина с взлохмаченными волосами и преданно смотрел на девушку. Поколебавшись немного, Люси все-таки направилась к ее столику.

— Можно присесть? — спросила она.

— Что? — Китти вышла из транса. — Ах да, конечно. Подвинься.

Мужчина молча повиновался и отодвинулся чуть в сторону.

— Это Леший, — Китти представила незнакомца, — мой пес. А ты?

— Эм... — Люси растерялась. — Я Люси.

— Круто, а я Китти. Будем дружить?

— Да мы вроде уже знакомы... Помнишь,

минут 20 назад мы говорили с тобой.

— Правда? Где? — заинтересовалась девушка.

— В нашей палате.

— В какой палате?

— На втором этаже.

— Здесь есть второй этаж?

— О Боже.... — Люси вздохнула. — Ужас. Я действительно как в психушке.

— Что? — лицо Китти напряглось. — Ты сказала психушка? Это психушка? Меня заперли в психушке?

Ее голос звучал все громче и вот она вскочила, запрыгнула на столик и вцепилась руками в свои рыжие волосы. Люси отпрянула назад. Девушка неистово кричала в потолок, словно обращалась к создателю, но пациенты продолжали методично жевать, будто ничего и не происходило. Даже Милли не показывалась из кухни. Только Леший подпрыгнул и заметался по помещению, задевая своими болтающимися руками чужие подносы и пустые стулья.

— Китти! — раздался высокий надрывистый голос.

Люси повернулась и возле двери увидела того высокого неуверенного парня, которые ранее скрывался за плечами Боба-Армагеддона.

— Чего балуешься? — улыбнулся он. — Новенькую испугала. Доктор же просил тебя.

Слезай.

Он подошел к ней и осторожно опустил на пол. А Китти тем временем заливалась звонким смехом, держась за живот. Леший успокоился и, тяжело дыша, сел на свое место.

— Ты уж прости ее, — обратился санитар к Люси. — Ей очень сложно удержаться.

Парень осторожно провел ладонью по волосам девушки и театрально погрозил худым пальчиком. Затем он также погладил Лешего и вернулся к своим делам.

— Ой, вот ведь прикол, — продолжала смеяться Китти. — Ты бы видела свое лицо. «В палате», «говорили», «уже знакомы». Ха-ха, давно у меня не было свеженьких розыгрышей.

— Я же чуть от страха...! Реально думала, что ты...

— Сумасшедшая? — улыбнулась Китти и Люси поняла глупость своей претензии. — Так ведь еще смешнее. Ну, когда здоровый чудиком прикидывается. А вот если псих шутит, то это и не шутка. Все за правду принимают. Скучно. Фух, а у тебя такие глазища были! Еле сдерживалась. Хотела тебя сразу позвать, а потом думаю нет, подожду и еще больше удивлю. А как я на столик залезла! Круто ведь было?

— Чарли Чаплин отдыхает, — Люси опустила глаза. — Вот только больше так не делай, окей?

Нервы шалют.

— Скучные вы все. Ну ладно. Все равно уже попалась. Дальше будет не интересно.

Китти резко замолчала и уткнулась в свой поднос. Она внимательно подбирала огурцы ложкой со дна тарелки и по одному руками перекладывала на язык. Такая перемена настроения была для Люси непривычной. Еще минуту назад девочка возбужденно прыгала по столу, а сейчас это образец безразличия и полнейшей апатии.

— Значит, ты Леший? — обратилась она к сидящему рядом человеку.

К ее удивлению собеседник решил отвергнуть человеческий способ общения и громко залаял. Он высунул язык и даже успел бы лизнуть ее протянутую для пожатия руку, но она вовремя одернула ее назад. Тогда он печально заскулил и попытался потереться об ее ногу головой.

— Почеши за ухом, — сказала Китти все еще глядя на огурцы. — Он сразу с тобой подружится.

— Что сделать? — Люси ошарашенно рассматривала мужчину.

— За ухом почеши. Что ж тут непонятного? Давай, а то он долго скулить будет. Подумает, что ты на него злишься.

Дрожащая рука Люси опустилась на его волосы, и она осторожно провела по ним два раза, вспоминая, как в детстве гладила своего

золотистого ретривера. Мужчина высунул язык и радостно улыбнулся. Когда же она занялась его ухом, то он даже пару раз радостно фыркнул и задергал ногой.

— О Боже! Ты не шутила, когда назвала его своим псом?

— Конечно, нет, — изумилась Китти и даже оторвалась от ложки. — А в чем смысл? Шутка должна быть смешной, такие правила. А что смешного в Лешем?

— Но он притворяется собакой!

— Он не притворяется. Леший просто думает, что он собака. Ему так нравится. Смотри, — она вытащила из кармана потертый зеленый теннисный мячик. — Леший! Пожалуйста, принеси!

Открытый рот Люси лучше всего описывал ее шок. Как только Китти запустила мячик о стенку, Леший сорвался с места и побежал за целью. Он двигался на двух ногах, но мячик поднял зубами. Таким же образом он вернулся к столику, выплюнул добычу ей в ладонь и затрясся от удовольствия, когда она, в качестве похвалы, почесала ему правое ухо.

— Он еще любит, когда животик гладят, — сказала Китти, пряча мяч обратно в карман.

Люси не знала, что ответить. Она только смотрела на странного человека, который сейчас прилег у ног Китти. Мужчине точно было больше

35, сильное тело и приятная внешность. И он собака? *«Да что с этим миром творится?»*».

— Ты, наверное, думаешь, что мы здесь все чокнутые? — Китти вытерла руку об штаны.

— Нет, что ты, — спохватилась Люси. — Я бы сказала... необычные.

— Ты не подумай, что я типа тут сижу и реально считаю, что Леший собака. У него ведь нет хвоста! — она снова засмеялась и тут же стала серьезной. — Когда я попала сюда в первый раз, то жутко испугалась. Леший их первый пациент. Представь мое удивление, когда он стал тереться об меня! Я была в шоке... Но со временем привыкаешь ко всему, и даже к такой дикости. Поверь, пройдет меньше недели и даже его привычка вычесывать себя ногой, это так забавно, не покажется тебе чем-то, как ты сказала... необычным.

— Его можно вылечить?

— Док говорит, что шансов мало. Но они пытаются приучить его к более правильному поведению. Если мы говорим о прогрессе, то он есть. К примеру, раньше он на людей бросался. Был вроде бродячей злющей собаки. А сейчас очень ласковый и добрый. Даже не рычит. Ну, только на Армагеддона иногда. Но на него даже ты рычишь, правда?

Люси вспомнила случай с вазой и снова

покраснела. Леший тихо засопел.

— Думаю, человек ко всему привыкает.

— И ты привыкла?

— Можно и так сказать, — Китти вытерла рот рукавом. — Я воспринимаю этот период в качестве очищения, своеобразной подготовки. Только представь, когда ты выйдешь, тебя практически невозможно будет вывести из себя. Вокруг столько странных людей, но, когда живешь среди самых странных, остальные уже не так пугают. Черт, да я выйду отсюда Далай-ламой, этакой мисс Спокойствие.

— Ну главное, что б не Наполеоном.

— Уже шутишь? Это правильно. Правда у нас здесь нет Наполеона, а вот Моисей имеется.

— Что?

— Повернись, — она указала пальчиком на крайний стол у окна. — Видишь того дяденьку с бородой? Ему 55, живет здесь уже 6 лет. Считает себя пророком Моисеем. Только так и обращайся, а то наслет еще кару Божью.

— И что он делает?

— Ничего особенного. С ним даже приятно поболтать бывает, когда он не осыпает проклятьями. Рядом с ним грешить нельзя. Очень обидчивый. Каждый вечер идет на гору за десятью заповедями.

— На гору?

— Ну, на воображаемый Синай или как его там... Он на третьем этаже находится. Никто его и не тормозит. Вот... А потом спускается в игровую и читает их нам. Только приходит не вовремя. Вечно мультики обрывает.

— Простите, — к ним подошел невысокий светловолосый парень с дрожащими губами и тарелкой в левой руке. — Я Мэт. И мне очень приятно, — он протянул руку и ровно 6 раз повторил свое движение.

— Я Люси, — ответила она, высвобождаясь из странного рукопожатия, которому казалось не будет конца.

— Китти, я могу одолжить у вас немного соли?

— Бери.

Он взял солонку и ровно 6 раз затряс ею над картошкой, покрыв ее толстым белым слоем.

— В следующий раз давай я сделаю, — предложила Китти, отнимая у него соль.

— Да, еще раз прошу прощения, что отвлек, — он 6 раз кивнул и вернулся на свое место.

— Что с ним? — Люси смотрела, как парень что-то бормочет на ходу. — Выглядит вполне нормально, если бы не...

— Шестерка?

Люси кивнула, наблюдая как парень 6 раз отодвинул и задвинул стул, прежде чем сесть.

— Вообще, люди с ОКР вполне нормальные, — сказала Китти. — Но я бы не хотела испытывать все это.

— ОКР?

— Обсессивно-компульсивное расстройство, — отчеканила девушка. — Это что-то вроде навязчивого состояния. Типа, когда человек постоянно моет руки, потому что кажется, что они грязные, и это вызывает реальную панику. Очень часто такая фишка происходит с уборкой. Все вещи должны быть на своих местах, иначе тебя просто трясет. Иногда это какие-то действия, которые человек вынужден повторять раз за разом.

— И у него все связано с цифрой?

— Ага, помешанность на шестерке. Он 6 раз пережевывает и делает 6 глотков, 6 раз жмет руки, отламывает 6 кусочков, рвет на 6 частей. В общем, все по 6.

— И что? Разве это так страшно, чтобы запереть его в психушку?

— Ну, — задумалась Китти, — вообще-то нет. Это проблема, но люди с ОКР живут вполне нормальной жизнью. Все зависит от силы их навязчивого действия. К примеру, если у тебя мания убирать все по своим местам, то это может раздражать, но не больше. Но в его случае... Мэт рассказывал, что все было нормально. Он с нами только последние полгода. Видела шрам на его

пальце?

— Не заметила.

— На левом указательном, — Китти показала место на своей руке. — Короче, он вроде как резал хлеб, и порезал палец.

— О Боже... — Люси повернулась в сторону парня, который в это время внимательно пересчитывал кусочки огурцов на тарелке. — Ты ведь не хочешь сказать, что он...

— Ага, представь себе. Мэт говорит, что даже подумать не успел. Ему нужно было сделать 6 раз, и он сделал. Родители были в таком испуге. Ведь, что будет если он поранится? Чувак просто не сможет остановиться. Так что его сдали сюда. По воскресеньям они приезжают к нему. Док говорит, что можно смягчить форму, но пока изменений не наблюдается. Вообще-то, он очень даже приятный парень.

Люси еще раз взглянула на Мэта. С виду совершенно обычный человек. Ему бы сейчас за девчонкой ухаживать, заканчивать институт и искать свое место в жизни. А из-за какого-то отклонения он вынужден сидеть в этой дыре, которая хоть и смахивает на милый санаторий, но лающие люди и моисеи никогда не дадут забыть пугающей правды — ты псих!

— Здесь только два лечащих врача? — Люси отодвинула полупустую тарелку.

— Ага. Док и Катрин. У меня Катрин, как и у тебя. Все пациенты поделены.

— Ты вроде говорила, что проходишь по программе защиты свидетелей?

— Ну да... Но ведь все должно выглядеть естественно! — Китти заговорщицки подмигнула, убирая с глаз непослушную челку. — Потом есть еще Армагеддон и Лютик.

— Лютик?

— Санитар. Да ты его видела только что.

— Тот нерешительный парень?

— Нерешительный? — как-то обиженно произнесла Китти. — Ну что ж, может иногда...

— А что за имя такое?

— По-моему прикольное. Ему очень идет. Еще есть Милли, ты ее тоже видела. А убирается здесь Ингрид. Ты ее сразу узнаешь, такая невысокая и любит выкинуть тяжелое словцо. Вот и все. А остальные все ку-ку.

— Дамы, — в дверях снова появился Лютик. — Не хочу отвлекать, но время...

— Ах да. Заболтались мы.

Люси встала вслед за Китти, которая в танцевальном вихре закружила с подносом. В столовой уже никого не было. Люси оставалось только догадываться, как она не заметила их ухода. *«Наверное, здесь время течет по-другому. Сконцентрируйся!»*.

Она поставила остатки ужина на стойку и пошла вслед за санитаром и Китти, которые о чем-то мило перешептывались, в игровую. Пациенты позанимали диванчик и стоящие вокруг кресла. Один из присутствующих зачем-то поставил на свое кресло стул и сейчас сидел выше всех. Но собственное отражение в зеркале его волновало гораздо больше мультика или окружающего мира.

Китти умело растолкала людей и заняла выгодное место в центре дивана. По телевизору шел «Том и Джерри». Мышонок как раз прятался за поворотом, а Тому предполагалось получить утюгом по лицу.

— Том и Джерри? Здесь? — удивилась Люси. — А как же насилие?

— А что не так? — спросил Лютик, материализовавшийся из пустоты за ее спиной.

— Ну как же?

— Вам не нравится?

— Нет, я его обожаю, и мы с Майклом всегда смотрим. Но здесь? Разве для них не опасно? Я имею в виду все эти жестокие сцены.

— Мы не идеалисты и понимаем, что мир — это не вакуумная упаковка. И эти мультсеансы напоминают им, что опасность существует. Об этом забывать нельзя.

— Это тоже форма лечения?

— Небольшой эксперимент. Таким образом, они напоминают себе про существование зла, но учатся не воспроизводить подобные действия в жизни. Доктор Малой и доктор Стенд проводят разъяснительные беседы, анализируя все чуть ли не по секунде.

— И работает?

— Да. Ни одного буйного и случаев срывов у пациентов. Конечно, если не учитывать сегодняшний инцидент. Но вы ведь новичок.

Люси снова покраснела. *«Интересно, сколько нужно напоминать человеку о его проступке, чтобы он перестал смущаться?»*

— Если вам не интересно, то вон стереосистема. По субботам мы устраиваем танцы, но там есть наушники. Можете послушать музыку.

Инструмент был в отличной форме и чистенький. Рядом лежала стопка с дисками. Последний раз Люси использовала дисковод в своем компьютере, когда пересматривала свадьбу. Стремительное развитие технологий вытеснило и эту причуду. Теперь все ее гигабайты памяти хранились в виртуальном облаке.

В музыке преобладала классика. Пару романтических баллад, ничего рокового, легкий рок-н-ролл и большая часть — оркестровое исполнение. Бах, Шуберт, Штраус и прочие сочинители были ей очень хорошо знакомы. Когда

твоя мать пианистка, сложно изолировать себя от влияния классической музыки. И когда ее подружки тащились от рок-н-ролла, Люси тайно копила у себя целые полки с Моцартом.

На глаза попался диск с Бетховеном. Она осторожно взялась за края и кнопкой открыла дисковод. Маленький пульт, завернутый в целлофановую обертку, запустил механизм. Люси села рядом в мягкое кресло, отдающее запахом лимона, и подтянула большие наушники. Ее любимая соната № 19 шла первой.

Люси всегда считала, что музыка — это самый лучший наркотик, который она хотела и могла себе позволить. Первые нотки слегка задевают ухо. Вот они уже глубже проникают под кожу и по венам через кровь приближаются к сердцу. Люси закрыла глаза, ощущая, как пальцы пытаются повторить знакомую мелодию. Если хорошенько постараться, то можно притвориться, что все это сон. *«Ты в своей комнате, Люси. Это музыка доносится из колонок твоего компьютера. За стенкой спит Майкл, а завтра ты отведешь его в садик. Ты спокойна. Все хорошо».*

Но зрение не обманешь. И сидящие люди, хохочущие над проделками Джерри, тому явное доказательство. На любимом отрывке ее сердце ускорило ритм. Она открыла глаза и увидела, что в дверях появился Моисей. В протянутых к потолку

руках ничего не было, но человеку видимо казалось, что он несет нечто очень важное. Люси неохотно сняла наушники и посмотрела на Китти, тяжело вздыхающую в своем кресле.

— Узрите! — крикнул Моисей. — Ибо по вере вашей и воздастся вам. Только что на горе Синай сам Господь Бог наш открыл мне великие заповеди для всего человечества. Внемлите же....

Никто его не слушал. Либо библейские тексты здесь были не в почете, либо каждодневные повторяющиеся сценарии окутали паутиной безразличия всех присутствующих. Его слушала только Люси. Остальные продолжали наблюдать за развитием баталии между котом и мышкой, что было довольно проблематично, так как проповедующий человек заслониł собою экран. Но всем было плевать. На миг Люси даже показалось, что Моисей стеклянный. Нужно лишь поверить в это и она, как и все, начнет видеть сквозь него.

«Прекращай! Не сходи с ума! С ума? А разве уже не сошла?»

Люси издала смешок, но Моисей в своем важном деле не заметил. Он оглядывал толпу прихожан и дошел до «не прелюбодействуй».

— А разве здесь есть достойные? — безразлично спросил человек с зеркальцем.

— Устыдись! — выкрикнул ему Моисей и закончил на последней заповеди, о том, чтобы не

желать.

Как только все слова были произнесены, он важно поклонился, опустил руки и занял место рядом с Китти. Уже через пару минут он глупо хихикал. Весь его образ рассыпался на маленькие лживые осколки.

Спина заболела, и никакая смена положения тела не могла этого исправить. Люси устала. Она нехотя выключила систему, жалея, что с ней нет ее маленького любимого плеера, и пошла к двери. На втором этаже возле поворота она увидела стенд. Этот желтый указчик она уже замечала в столовой и игровой. РАСПИСАНИЕ. Крупные буквы и желтый цвет манили к себе. Люси подошла ближе и проверила, по какому расписанию ей жить ближайšie, непонятно сколько, дней.

«Уважаемые жители клиники... Просим вас придерживаться данного расписания дня, так как...». Бла-бла-бла. *«Давайте к сути. Что тут? Подъем в 8:00, завтрак — 9:00, групповые занятия, прогулки, личное время, обед в 13.00, ужин в 18:00. А отбой? Так-с, вот, отбой в 21:30. А если я лягу раньше, меня накажут?»*

— Есть вопросы? — спросила Катрин.

«Что за странная привычка — материализоваться из пустоты?»

— Все ясно как день. Вот только отбой в 21:30 — это строгое правило или пожелание?

— Устали?

— Да, хотелось бы лечь раньше.

— Мы не наказываем людей за усталость. Для безопасности пациентов и персонала вам запрещено перемещаться по клинике после отбоя. Это все.

— А туалет?

— Ну, разве что в туалет и не покидать этаж. Вот душевые кабинки. Все необходимые вещи вы найдете у себя в палате.

— Дверь сломана, — сказала Люси, открывая кабинку. — Пойдите... здесь вообще нет замка!

— Ради безопасности двери не закрываются. Ни эти, ни любые другие. Конечно, если только не возникает необходимость.

— А разве душ — это не необходимость. Или желание скрыть наготу — признак болезни?

— Не воспринимайте систему в штыки, — улыбнулась она. — Когда принимаете душ, просто переверните вот эту стрелочку указателем вверх. Этот сигнал знает каждый и вас не побеспокоят.

— Очень успокаивает.

— Вы привыкните, — сказала она, скрываясь за поворотом. — Спокойной ночи!

Белье и ночную рубашку она нашла в шкафу под своим именем. Пусть врачи и говорили о нормальности, но отсутствие шнурков, острых углов и вилок с ножами все же не давали человеку забыть, что привычный мир остался за пределами

этих стен.

«Странно, как такие, казалось бы, мелочи могут кардинально менять общий смысл».

Принимать душ, зная, что в любую минуту туда может кто-то вломиться, было необычным разнообразием. На второй минуте рядом мелькнула чья-то тень и послышалось бормотание. Люси приготовилась к сигнальному крику, но тень удалилась. Оказалось, что позиция стрелки и правда играла важнейшую роль в этой системе.

В 20:35 Люси уже лежала в постели. На этаже было ужасно тихо, так как большая часть пациентов продолжала сидеть внизу. Ближе к сроку отбоя в комнату влетела Китти. Она быстро схватила полотенце и побежала выбивать себе место в душе. Когда она вернулась, Люси уже была на грани сна. Боковым зрением она видела, как соседка натянула пижаму и легла в свою кровать.

Потом по палатам прошелся Армагеддон, проверяя все ли на своих местах, и выключил везде свет. Клиника погрузилась в беспокойные сны.

— Спишь? — пошептала Китти.

— Почти.

— Если будет страшно, можешь разбудить меня. Я вообще плохо и мало сплю.

— А есть поводы бояться?

— Первая ночь бывает тяжелой, — ответила Китти.